ДЬЮЛА АНДРАШИ, ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС И РАЗВИТИЕ АВСТРИЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 70-е ГОДЫ XIX ВЕКА

© 2018 г. Е.В. Сироткина

Канд. ист. наук, доцент Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
E-mail: evgsirotkina@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности эволюции австрийско-российских отношений при министре иностранных дел Австро-Венгрии графе Дьюле Андраши в 1870-е годы. Автор обращает внимание на то, что цели Андраши отнюдь не всегда были враждебны по отношению к Российской империи и ошибки, которые вели к недопониманию и столкновениям двух государств, допускались с обеих сторон.

The article considers the peculiarities of the evolution of Austrian-Russian relations under the Minister of foreign Affairs of the Austria-Hungary Count Julius (Gyula) Andrбssy, in the 1870s. The author draws attention to the fact that the goals of Andrбssy not always were hos-tile to the Russian Empire, and errors that led to misunderstandings and clashes between the two states were committed by both sides.

Ключевые слова: Андраши, Австро-Венгрия, Россия, Восточный вопрос, Берлинский конгресс 1878 г., австрийско-российские отношения.

Keyword: Julius (Gyula) Andrбssy, Austria-Hungary, Russia, Eastern question, Berlin Congress of 1878, Austrian-Russian relations.

DOI: 10.31857/S0869544X0000805-8

В 2018 г. исполнилось 140 лет со времени открытия Берлинского конгресса (1878), который нанес ощутимый удар по австрийско-российским отношениям. Одним из активных участников конгресса был министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Дьюла Андраши (1823–1890).

Его назначение на пост 13 ноября 1871 г. стало большой сенсацией в Австро-Венгрии, как и неожиданная отставка с поста министра иностранных дел Фридриха Фердинанда фон Бойста. Венгры чрезвычайно гордились тем, что уже через четыре года после образования Дуалистической монархии Габсбургов из их среды выдвинулся руководитель внешней политики большой империи. Немецкие австрийцы, напротив, восприняли

въезд венгра (к тому же активного участника антигабсбургской революции 1848 г., в свое время даже заочно приговоренного императором Францем Иосифом к смертной казни) во дворец на Балльхаусплац почти как оскорбление, видя в этом ощутимый морально-политический ущерб для своего престижа. Они опасались, что при новом министре во внешней политике Австро-Венгрии отныне возобладает «преимущественно мадьярская точка зрения» [1]. Чехи же негодовали по поводу того, что такой непримиримый противник богемской автономии, их оппонент в условиях острого «кризиса Гогенварта», этот «монгол» и «могильщик Австрии» – как они называли Андраши – возглавит общеимперское Министерство иностранных дел. Как писали чешские газеты, «эпоха политического авантюризма завершается, отныне начинается цыганская эра венгерской степи» [2. S. 1–2].

Чиновники министерства в Вене, сроднившиеся с проводимой Бойстом антипрусской политикой, неожиданно должны были резко изменить свои взгляды и повернуться лицом к германо-прусской империи Отто фон Бисмарка [2. S. 2–3]. «История Андраши как министра иностранных дел в период с 1871 по 1879 гг. одновременно является историей Бисмарка», – заметил биограф Андраши Эдуард Вертхаймер [2. S. XVIII].

С назначением венгерского графа на пост министра иностранных дел Австро-Венгрии принцип дуализма стал осуществляться и в сфере внешней политики. Венгерская элита впервые начала оказывать непосредственное и прямое влияние на разработку внешнеполитической концепции империи и ее практическую реализацию, т.е. на принятие решений по конкретным международным вопросам.

Проводя параллель между своей внешнеполитической линией и линией Бойста и признавая известную преемственность между ними, Андраши подчеркивал, что Бойст видел путь к успеху в сохранении свободных рук во внешней политике, тогда как он предпочитает сложный путь достижения взаимообязывающих соглашений [3. Л. 3–4]. При этом Андраши отмежевывался от приверженности традиционности и ориентации на так называемый европейский правовой порядок, ссылаясь на которые, Бойст нередко пытался обосновывать свой внешнеполитический курс. «Никакая политика, – заявлял Андраши, – не должна определяться традициями, а должна обеспечивать шансы на успех с помощью эффективных комбинаций: правильна только такая внешняя политика, которая правильна и стратегически» [4. S. 471].

Вектор австро-венгерской внешней политики при Андраши окончательно сместился в сторону Балкан. «Австрия, выдворенная из Италии и Германии, обращается к Востоку, где ее интересы нам особенно враждебны», – констатировал в этой связи руководитель внешней политики Российской империи князь Александр Михайлович Горчаков [5. Л. 195].

Биржевой кризис 1873 г., совпав с началом общей экономической депрессии в Европе, оказывал влияние на экономическую жизнь империи вплоть до 1880-х годов. Подъем в экономике конца 1860-х годов сменился десятилетием бюджетного дефицита. Возникшие трудности проявились в усилиях правительства по развитию торговли Австро-Венгрии с балканскими государствами, усилилась заинтересованность в совершенствовании

существующих и создании новых сухопутных и морских путей в направлении к Османской империи. Во внешней политике Вены возобладала решимость любыми средствами препятствовать утверждению господства потенциально враждебной державы – России – над Боснией, Герцеговиной и санджаком Новипазар – воротами к рынкам Македонии и Салоник.

Политика Андраши на Балканах изначально существенно отличалась от политики большинства его предшественников. В то время как Бойст в сближении с Германией видел и возможность налаживания отношений с ее российской союзницей, для Андраши Россия оставалась, прежде всего, угрозой, которой нужно было противостоять, и в первую очередь, попыткам России расширить сферу влияния вопреки интересам Австро-Венгерской монархии, в том числе посредством создания к юго-востоку от нее государств-сателлитов. Исходя из этого Андраши хотел использовать недавно начавшееся сотрудничество с Берлином именно для того, чтобы направить германскую политику против России. В то время как Бойст размышлял над тем, чтобы в будущем Габсбургская монархия при благоприятной возможности смогла распространить свое влияние на часть Турции, Андраши, напротив, проводил строго консервативную политику поддержки Османской империи, не желая ее ослабления за счет усиления России. Дальнейшее расширение Австро-Венгрии он полностью отвергал, так как это могло привести к росту численности в империи славянского населения и повлекло бы за собой угрозу поглощения мадьяр славянами. В мае 1872 г. он даже назвал турок «самыми сильными и самыми надежными союзниками на Востоке» [6. S. 249] для Австро-Венгрии. В случае восстания христиан в османских владениях на Балканах задача Австро-Венгрии состояла в поддержании принципа невмешательства, дающего туркам возможность подавить беспорядки.

Россия, таким образом, оставалась основным конкурентом Австро-Венгрии на Балканах, и задача нейтрализации ее влияния занимала центральное место во всех внешнеполитических планах Габсбургской империи. Что же касается разрабатывавшихся в России панславянских политических проектов, то в них и вовсе усматривалась угроза целостности Двуединой монархии. Согласие Турции на изменения в Парижском договоре 1856 г. привело к улучшению русско-турецких отношений, благодаря чему открылись новые перспективы перед политикой России на восточном направлении. Успех России на Лондонской конференции по вопросу о черноморских проливах и усиление ее международных позиций после Франко-прусской войны 1870–1871 гг. оказали заметное влияние на настроение Андраши. С одной стороны, это означало, что с Россией надо считаться, с другой, внушало тревогу по поводу австрийских интересов в зонах их столкновений с интересами России. А поскольку амбициозные балканские планы Андраши заходили настолько далеко, что не допускали примирения с русским влиянием в этом регионе, он пришел на Балльхаусплац с уже сформировавшимися представлениями о необходимости превентивной войны против России. «Если вопрос с Россией будет решен, – говорил Андраши, – тогда вопрос с Востоком решится сам собой» [4. S. 469]. При этом он был далек от самонадеянной уверенности в способности Австро-Венгрии решить эту задачу самостоятельно – она явно не обладала си-

лами, достаточными для этого. Речь шла о создании с этой целью европейской коалиции: это было возможно, поскольку, как он полагал, в защите от русской экспансии была заинтересована вся Европа. Именно поэтому, утверждал Андраши, «пока Австрия является оплотом против России, ее существование будет оставаться европейской необходимостью» [7. S. 231].

Между тем, после провала ряда попыток создать антирусскую коалицию, в 1871–1872 гг. проявились и ряд признаков, свидетельствующих о стремлении Вены расчистить дорогу к некоторому улучшению отношений с Россией. Сближение России, Австрии и Германии происходило в этот период во многом на иных основаниях, чем раньше, хотя играли свою роль и прежние факторы, способствовавшие такому сближению (российско-австро-прусская солидарность в польском вопросе; общность консервативного политического строя). В 1873 г. состоялось подписание так называемого Союза трех императоров между Австро-Венгрией, Россией и Германией [8–9].

В отечественной историографии часто подчеркивалось, что Союз трех императоров являлся «детищем» германского канцлера О. фон Бисмарка и был заключен исключительно в интересах Германии [10–14]. Но вряд ли с этим можно безоговорочно согласиться. Конечно, позицию Австро-Венгрии внутри комбинации из трех империй можно считать наиболее проблематичной в силу относительной военной слабости Габсбургской монархии, а также политического наследия, питавшего недоверие к ней со стороны России (поведение во время Крымской войны и во время Лондонской конференции по Черноморскому вопросу и т.д.). Но вместе с тем, как наиболее слабая из трех держав, она была в одиночку менее опасной соперницей для каждой из двух других входивших в союз империй и в то же время могла представлять угрозу, сближаясь с одной державой против другой. Именно в этом заключалась выгода австрийского положения. В прессе отмечалось, что вопреки ожиданиям ситуация в ходе берлинских переговоров позволила австрийцам избежать оттеснения на задний план [15].

Соглашением с Австро-Венгрией Россия приобщала Габсбургскую империю к балканской политике, как бы признавая ее право на причастность к балканским делам. Хотя это и не было выгодно России, но по существу отражало реальность, сложившуюся независимо от нее. Зато Петербург получил возможность (пусть минимальную) оказывать некоторое давление на Австро-Венгрию – прямое или косвенное (т.е. через Германию как партнера по Союзу трех императоров), и в определенной мере застраховался от австро-английского сближения, что имело значение для российской внешней политики.

Несмотря на то, что Берлин в октябре 1873 г. присоединился к австрийско-русской Шенбруннской конвенции и всячески поддерживал Союз трех императоров, подчеркнуто демонстрируя монархическую солидарность, язык ведущих австрийских и русских политиков красноречиво свидетельствовал о неослабевающем неприятии и теми, и другими новой Германской империи. Бисмарк, со своей стороны, всячески избегал споров с как с Австро-Венгрией, так и с Россией, и вследствие этого всячески укло-

нялся от участия в обсуждении любых возможных взрывоопасных вопросов по Востоку. Это также указывает, что Союз трех императоров оставался на практике прежде всего австро-венгеро-русским инструментом.

В свете этого участие Австро-Венгрии в Союзе трех императоров выражало ее стремление поддерживать хорошие отношения с Россией, и до тех пор, пока речь не шла о возможных переворотах в Османской империи под панславянским давлением при поддержке российского правительства. Он, без сомнения, способствовал усилению австро-венгерского влияния на Востоке в экономической, культурной и политической областях. При Андраши Австро-Венгрия начала усиливать свои позиции на Балканах.

В 1874 г. Андраши начал переговоры с Сербией о строительстве железной дороги из Константинополя через Белград в Вену. И тогда же он предупредил русских, что Сербия в торговых делах становится все более и более зависимой от своих северных соседей. В Румынии, которую Андраши рассматривал как потенциальную «дамбу», способную поставить заслон на пути славянизации Балканского полуострова, достижения были еще более значительными. В 1874–1876 гг. была построена железная дорога между Будапештом и Бухарестом, а в 1875 г., несмотря на возражения Константинополя, Андраши заключил с румынами торговый договор. К подобным действиям его подталкивали не только усугубляющийся экономический кризис в империи, но и действия турок, которые все больше его разочаровывали. Так, Турция всячески препятствовала работам по урегулированию судоходства по Дунаю, который оставался для Австро-Венгрии главным каналом торговой связи с Востоком. Вместо этого она выступила за строительство железнодорожной линии в Македонию, что благоприятствовало британским и французским конкурентам Австро-Венгрии. В 1875 г. Андраши заявил, что отказывается от своей прежней политики поддержки Турции, которая способствует лишь тому, что балканские государства в конце концов объединятся в своем противостоянии как Турции, так и Австрии. Правда, он рассматривал соседей Австро-Венгрии по Балканскому полуострову все еще как «диких индейцев, с которыми нужно обходиться как с необъезженными лошадьми, одной рукой протягивая им овес, и одновременно угрожая им плетью, зажатой в другой руке» [6. S. 249]. Как бы то ни было, фактически Андраши вернулся в это время к политике Бойста на Балканах.

Причины для изменения курса Андраши были вескими, поскольку в Австро-Венгрии не были убеждены, что сохранение status quo в длительной перспективе будет в их интересах. Усиление европейского влияния на земли Османской империи (включая Египет, Сирию или Боснию) оставалось одним из факторов, ослаблявших скреплявшие ее традиционные структуры, подвергавшиеся все более сильному давлению со стороны христиан и с момента заключения Парижского мира искавшие способы сохранения в условиях западной экспансии. Если любое иностранное влияние было фактором, приближающим взрыв и угрожающим стабильности Османской империи, то любая попытка Австро-Венгрии усилить влияние на балканских христиан, как утверждал Андраши, была способна подорвать ее позиции в Константинополе. Было очевидно, что турки с недоверием относятся к Австро-Венгрии прежде всего из-за ее интереса к Бос-

нии. В первую очередь, это было связано с развернувшимся строительством в этом крае католических церквей и школ, а также с во многом провокативной сенсационной поездкой Франца Иосифа весной 1875 г. через Далмацию. Когда у Двуединой монархии возникли внутренние и внешние трудности, связанные с вспыхнувшим в Боснии в июне 1875 г. восстанием, а турки оказались предоставлены сами себе, не получив поддержки в деле усмирения бошняков вплоть до вспыхнувших беспорядков в Болгарии в 1876 г., Андраши отчасти был сам виноват в этом.

Восстание в Боснии и перспектива краха османского господства в этой провинции лили воду на мельницу тех кругов при дворе, которые советовали оккупировать ее. Еще в 1856 г. генерал Радецкий выступил с такой инициативой, аргументируя это тем, что присоединение боснийского хинтерланда стратегически необходимо для защиты от внешней угрозы контролируемого Австрией Далматинского побережья. Это позволило бы организовать подходящий сухопутный проход для переброски войск, гарантировало бы безопасность далматинской приморской полосы, которая к этому моменту всецело зависела от присутствия небольшого австрийского флота на Адриатике; с утратой Венеции в 1866 г. эта проблема стала только актуальнее, Далмация, теперь остававшаяся единственной базой для военных судов Австрии, оказывалась защищена только ими. Одновременно указывалось на роль Боснии в экономическом развитии Далматинского побережья, которое могло существенно ухудшиться в силу односторонности торговой связи Австрии с Адриатикой и продолжавшегося ухудшения в 1870-е годы общего экономического положения в империи. Для Франца Иосифа перспектива приобретения дополнительной провинции выглядела, безусловно, привлекательной, а идея окончательного освобождения христиан западных Балкан встречала в обществе повсеместное сочувствие.

Впрочем, ни один из этих аргументов не произвел должного впечатления на Андраши. Он по-прежнему считал Турцию самой удобной из возможных соседок Австро-Венгрии и испытывал страх перед увеличением численности славян в стране. В то же время Андраши был вынужден признать трудности борьбы за сохранение Турции, в результате которой весь славянский мир мог превратиться во врага Австрии. Кроме того, необходимо было не допустить перехода Боснии и Герцеговины под влияние Сербии и Черногории. Ведь эти земли могли объединиться в крупное славянское государство, которое не только имело бы возможность воспрепятствовать торговле и влиянию Австро-Венгрии на юге, но было даже способно предъявить ирредентистские притязания к самой монархии. Исходя из такого рода угроз, политика Андраши заключалась в том, чтобы «не дать вытеснить турок из этих двух провинций; надо было поддерживать их столь долго, сколько это было возможно, консультациями и рекомендациями реформ, а в случае необходимости и отсутствия у них необходимых сил даже защищать их позиции» [2. S. 266; 6. S. 250].

Андраши опасался, что балканские славяне, воспользовавшись обстоятельствами, могли начать революционную борьбу. При этом он был убежден, что боснийским восстанием руководил международный революционный комитет, имевший целью организовать мощное революционное ирредентистское государство на границах Австро-Венгрии. Другая опасность

исходила от России, которая могла вмешаться в ситуацию в качестве защитницы балканских христиан и создать государство-сателлит, которое превратилось бы в значительную угрозу монархии на юге, как это было в случае с русскими позициями в Польше, угрожавшими с севера. В этой ситуации Андраши категорически отверг предложение России о решительном вмешательстве «европейского концерта» и об основании автономного государства на Балканском полуострове, хотя сам не мог предложить иные, более мягкие меры по урегулированию конфликта. Прежде всего он и слышать не хотел о планах автономии для Боснии, края, в котором католическое, православное и мусульманское население при слабом автономном режиме в условиях постоянного притеснения со стороны турок оказалось бы неуправляемым, превратившись в источник непрерывного беспокойства на границах Австро-Венгерской монархии и дальнейшего разрушения Османской империи. Когда Андраши в мае 1876 г. встретился с А.М. Горчаковым и О. фон Бисмарком, он даже угрожал отказаться от Союза трех императоров в случае, если Россия и дальше будет выступать со столь радикальными автономистскими предложениями в отношении Боснии [6. S. 250–251]. Альтернативу такой политике Андраши видел в отказе от решительных действий, в надежде на то, что боснийский кризис как-нибудь разрешится сам собой с наименьшими потерями для status quo. Едва ли это можно назвать конструктивным вкладом в разрешение конфликта. Предложения о реформах для Боснии, выдвинутые в декабре 1875 г. в австро-венгеро-российской ноте, были настолько умеренными, что турки смогли их принять, однако не удивительно, что сами восставшие их отвергли. Андраши смягчил все формулировки Горчакова в Берлинском меморандуме 1876 г., предпочитая использовать намеки для давления на Константинополь. Нерешительность Андраши при решении проблем вполне понятна. Как бы то ни было, она никак не вела к разрешению углублявшегося кризиса на Востоке.

В июне 1876 г., когда государственный переворот в Константинополе привел к хаосу и Сербия с Черногорией объявили войну Османской империи, положение стало опасным. Очевидно, что австрийцы не могли игнорировать это нежелательное для них развитие, но возможности, которыми Андраши обладал для разрешения кризиса, были сильно ограничены. Как обычно, Австро-Венгрия нуждалась в поддержке одной из великих держав. Когда распространилась весть о болгарской резне, оказалось, что Великобритания не собирается предпринимать какие-либо меры для защиты Османского региона, а Бисмарк прямо заявил, что Австро-Венгрия может рассчитывать на германскую поддержку лишь в случае совместной работы с Россией в рамках Союза трех императоров.

К счастью для Андраши, правительство в Санкт-Петербурге все еще избегало панславистского давления, которое могло бы привести к его конфликту с центральноевропейскими державами. Так что Андраши решился подписать Рейхштадскую конвенцию от 8 июля 1876 г. в интересах Австро-Венгрии: в случае если Османская империя будет разрушена в ходе войны, Босния и, по возможности, Герцеговина должны были достаться не Сербии и Черногории, а Габсбургской монархии; Россия получила бы обратно лишь южную Бессарабию, утраченную в 1856 г., а при распределении между собой областей Балканского полуострова державы должны были

исходить из принципа равновесия. В этом отношении Рейхштадтская конвенция препятствовала тому, чтобы война между Турцией и балканскими государствами оказалась поводом для конфликта между Россией и Австро-Венгрией, тем самым она стала достойным внимания успехом Союза трех императоров.

Но вскоре оказалось, что Турция не была уничтожена, а оба славянских государства, напротив, были побеждены. Этот успех придал туркам решимость отвергать даже самые минимальные проекты реформ, предложенные великими державами. Кроме того, теперь возникла еще более серьезная проблема: давление общественного мнения на русское правительство с требованием использовать военную силу против Турции.

Союз трех императоров даже обострил эту проблему. Россия, получившая горький урок в годы Крымской войны, явно остерегались двигаться с Веной в одном направлении. Австрийцы, со своей стороны, не могли выступить а защиту турок, опасаясь реакции славянского мира. Военные советники Франца Иосифа эрцгерцог Альбрехт и граф Фридрих фон Бек выражали недоверие по отношению к Берлину и предостерегали императора от войны с Россией, так как армия была к ней не готова, а Россию – как в этом мог убедиться еще Наполеон I – невозможно быстро победить [6. S. 251]. Даже Андраши был вынужден признать, что невозможно подготовиться к войне с Россией: для этого потребовалась бы жизнь целого поколения и закончилась бы она гибелью одной или же обеих империей.

Еще менее вероятной была перспектива того, что Австро-Венгрия сможет найти действенную поддержку извне. Британцы, возможно, хотели бы держать Россию на отдалении от Константинополя, но едва ли они поддерживали сохранение османского господства на Балканах. А австрийцы еще меньше, чем в 1850-х годах, были склонны служить континентальным тараном для западных морских держав. «Поэтому, – провозгласил Бек, – [Россия] – ближайшая из полуокруживших Австро-Венгрию соседей, которую нельзя втягивать в войну по усмотрению западных держав, так как в случае войны именно Австрия вынуждена будет оказаться первой на поле битвы» [6. S. 252–253; 16. P. 85–93]. Одновременно Берлин советовал объединиться с Россией за любую награду и защищать австро-венгерские интересы дипломатическими средствами в рамках Союза трех императоров.

В 1876 г., в самый разгар Восточного кризиса, Андраши издал политическую брошюру «Пять лет государственного искусства Андраши и Восточной политики Австро-Венгрии» [17]. Обеспокоенность кризисом он выразил на первых же страницах: «Железные ворота[1], Золотой Рог[2] окрашены потоками крови – бесценной кровью разных народов и племен, так что Черное море за долгие годы должно было изменить свое название и свой цвет, и теперь его нужно переименовать в Кровавое море» [17. S. 4].

В связи с разразившимися событиями перед Австрией, по мнению Андраши, встал главный вопрос: может ли она допустить, «чтобы Россия в одностороннем порядке закрыла глаза умирающей Турции?» К несомненным

[1]Железные Ворота – сужение в долине Дуная в месте сближения Карпат и Стара-Планины (речные ворота) на границы Сербии и Румынии.

[2]Золотой Рог – узкий, изогнутый залив, впадающий в пролив Босфор в месте его соединения с Мраморным морем.

успехам он относил восстановление отношений с Россией и заключение Союза трех императоров: «Андраши показал твердую уверенную руку и лишенный предубеждений образ мыслей. Телом и душой мадьяр, никогда не отрицавший своих принципов 1848 г., на этот раз он полностью отказался от национальной точки зрения и дал венграм пример самоотрицания, когда принял протянутую ему русскую руку и честно, дружески ее пожал. Князь Горчаков ответил доверием, проявив со своей стороны искренность и прямодушие и, таким образом, одновременное сближение привело две северные державы к Союзу трех императоров, который в разных условиях и перед лицом труднейших вопросов оправдал себя и, надо надеяться, и в более трудные времена еще сумеет показать себя» [17. S. 21].

Известная напряженность в отношениях с Россией, подчеркивал он, была вызвана страхом перед панславизмом, однако во время встречи в Берлине Горчаков сумел его успокоить и убедить, что панславянские идеи не встречают поддержки у руководства Российской империи, вследствие чего можно было говорить о достигнутом с Россией «взаимопонимании, вызывающем доверие» [17. S. 24].

Сложившаяся международная обстановка требовала оформления новых принципов внешней политики Австро-Венгрии. «Мы хотели бы определить, – писал Андраши, – 8 фундаментальных статей, которые *должны составить основу австро-венгерской политики* (здесь и далее курсив мой. – *Е.С.*), так как если при предстоящем решении Восточного вопроса для Австро-Венгерской империи дело закончится ничем, ограничившись лишь бесполезными жертвами деньгами и кровью, или же ей в конце придется одной оплатить весь счет, это обернется для нее утратой позиций великой державы и условий своего существования» [17. S. 41].

Восемь фундаментальных статей Андраши, включали в себя следующие положения:

Ст. 1. Основным условием политики, исходящей из рациональных интересов Австрии, является *сохранение Союза трех императоров*, дальнейшее его совершенствование и укрепление в целях собственной защиты и отпора врагам альянса трех императорских держав. За Берлинской конференцией и достигнутым на ней соглашением должно последовать как можно скорее второе свидание трех императоров, на котором должны быть окончательно конкретизированы каждый из пунктов и положений договора, оставленных в Берлине открытыми**.** По ним должны быть вынесены окончательные определения, иначе будет обесценен весь союз, тогда как дополнения «от случая к случаю» способны лишь ослабить его.

Ст. 2 констатировала, что политика графа Андраши в обеих делегациях сохраняет вотум неограниченного доверия, значение которого нельзя недооценивать, но при этом он не является достаточной гарантией для обеспечения успеха всей его политики в будущем.

Согласно ст. 3, граф Андраши должен был придерживаться двух «фактических истин» как фундаментальных принципов своей политики:

Во-первых, Турцию нельзя сохранить и ее распад – вопрос менее, чем одного года (!?), если даже не одного месяца. Этот процесс происходит независимо от желания России, так как османская экономика очень быстро достигнет дна.

Во-вторых, как было подчеркнуто, «Пруссия-Германия и Россия во всех случаях и в любых европейских конфликтах крепко и нерасторжимо связаны между собой, это произошло в результате заключения церемониальных союзов, достигнутых еще до 1865 г., которые были окончательно утверждены в 1866 г., расширены в 1870–1871 гг. и трансформировались в соответствии с меняющимися политическими формами». Вследствие этого Германская империя до некоторых пределов, которые должны быть твердо определены, должна оставлять свободными руки России на Востоке. Как отмечалось дальше, «прусская политика не является абсолютно свободной по отношению к российской, а потому нельзя думать о серьезной борьбе с Российской империей из-за ее союзнических связей с Германской империей».

Согласно ст. 4, из всего вышеизложенного для любого думающего политика проистекало следующее:

«а) Для уже гарантированно гибнущей Турции австрийская политика интересов неприемлема, это была бы работа Дон Кихота или даже какая-то безумная гусарская пьеска.

б) Удушение Абдул Азиза и государственный переворот Мурада II ни в малейшей степени не изменили внутреннюю и внешнюю политику Турции, а процесс распада не просто не приостановился, а достиг наивысшего темпа.

в) Австрии не стоит пытаться противостоять участию одной из двух имперских держав в военной интервенции или оккупации одной или нескольких частей Турции, а необходимо использовать сложившиеся условия, чтобы утвердить свое положение великой державы перед Европой и удовлетворить собственную военную честь.

г) Роковым заблуждением, которое было бы поставлено в вину любому государственному деятелю Австрии, стала бы оккупация какого-либо небольшого государства. Талант графа Андраши и его многолетняя политика являются ручательством того, что он никогда не согласится на комбинацию, вследствие которой был бы нанесен урон военной чести Австрии, а Австрийская империя утратила бы положение великой державы, которое во многом ей еще только предстоит возродить, обосновавшись на Востоке и выдвинув притязания на компенсацию (Трентино, Каподистрию, одной из частей Далмации и т.д.).

д) Помощь туркам и преждевременное лишение поддержки бегущих в австрийские земли в поисках защиты инсургентов, могут быть восприняты как такой же акт жестокости и оказались бы *значительной политической ошибкой политики* Андраши, которой необходимо тщательно избегать. *Австрия не может позволить себе в Восточной политике больше ни единого промаха!*».

В ст. 5 со ссылкой на вышеизложенное говорилось, что

«а) *Германская империя*, столь долго шедшая к своему теперешнему виду при прусском преобладании и руководстве, *никогда не будет вести войну против России*. До тех пор пока современные правители и наследники престолов обеих империй будут жить и править, принципы двусторонней политики никогда существенно не изменятся. Пруссия нуждается в одобрении России, а Россия нуждается в согласии с Пруссией. Без Пруссии-Германии Россия, конечно, не смогла бы достигнуть на Востоке значительных успехов, но и Пруссии-Германии так же необходима косвенная помощь России в реваншистской войне против «усилившейся» Франции.

Пруссия без пассивной помощи России не сможет завершить преобразования в Германской империи, которые нынешние руководители имперской политики считают необходимыми, дабы почти свободный союз германских государств превратить в крепкий и нерасторжимый.

б) Большой политической *глупостью со стороны Австрии* было бы *надеяться когда-либо на поддержку Пруссии-Германии в войне против России*. Австро-Венгерская монархия вследствие подобной безрассудной политики, оказалась бы в роли сидящего "между двумя стульями" или стала бы естественным объектом соглашения между спорящими частями и их союзниками».

В ст. 6 был сформулирован вывод о том, что граф Андраши должен решительно и непоколебимо держаться за союз с двумя «северными империями» вопреки любым провокационным голосам с английской стороны; при этом следует «не будить опасных заблуждений и не вызывать необоснованных подозрений».

В ст. 7 говорилось о необходимости для Австрии навсегда порвать с гибельной традиционной Восточной политикой: «Отныне австрийская политика должна лишь делать вид, будто она вновь склоняется к западным державам, и не повторять гибельных ошибок 1854, 1859, 1866 и 1870 г., которые, подобно говорящим табличкам, предупреждают от опасных ложных путей, самыми опасными из которых были бы сотрудничество с Францией и солидарность с англо-турецким союзом».

Согласно ст. 8, осознавая все это, Андраши, «подобно опытному капитану, который уже спас австрийское государственное судно от ряда опасных штормов», должен был, «если он хочет и в дальнейшем вести верным путем свой корабль», принять к сердцу слова Писания (GenesisI, 17): «Спасай Себя и Свое имущество, не оглядывайся и не останавливайся ни на миг, торопись скорее вперед, чтобы ты не погиб!» Как отмечалось далее, «ни промедление, ни торопливость, ни бесконечные оглядывания по сторонам не помогут Австрии в ее восточной политике. Ни венгерские страхи, ни немецко-австрийские необоснованные тревоги не могут смущать или препятствовать руководителю австрийской политики мужественно приближаться к намеченной цели» [17. S. 41–45].

Будапештская конвенция (январь–март 1877 г.) на случай русско-турецкой войны должна была защитить интересы Австро-Венгрии. Она не только подтвердила положения Рейхштадстской конвенции, но и гарантировала Австрии изменение торговых путей через Новопазарский санджак. Так Андраши надеялся обеспечить торговлю и влияние Австро-Венгрии в западной части Балканского полуострова, не нагружая при этом страну приобретением дополнительных областей. Россия обещала не допустить, чтобы начавшаяся русско-турецкая война превратилась в панславянский крестовый поход и ограничиться восточными Балканами, обещала, что ни в какой из частей Балканского полуострова не будет образовано крупное славянское государство. Австро-Венгрия со своей стороны должна была пресекать любые попытки Великобритании возобновить тройственный договор, подобный заключенному в 1856 г., превратив войну в европейскую.

Когда Россия в апреле 1877 г. фактически объявила Турции войну, Андраши сдержал слово. Он оставался нечувствительным к дипломатическим «щупальцам» из Лондона и, как он это называл, к «глупой суете» туркофильских кругов в Венгрии [17. S. 17; 18]. Будапештская конвенция

парализовала воздействие концерта держав на войну, а достигнутые соглашения локализовали Восточный кризис, так что совместная работа Австро-Венгрии и России в рамках Союза трех императоров оказалась эффективной, более того, предлагала единственно возможную защиту австро-венгерских интересов [6. S. 253].

Это была защита, от которой Андраши неохотно отказался, даже когда он был вынужден признать, что русская политика резко изменилась. Русско-турецкий Сан-Стефанский договор (март 1878 г.) предусматривал автономию Боснии и создание крупного Болгарского государства, в котором в течение двух лет должны были находиться российские войска — и это все при полном игнорировании протестов из Вены.

Участие графа Андраши в Берлинском конгрессе (1/13 июня — 1/13 июля 1878 г.) для пересмотра Сан-Стефанского договора доказывало его желание избежать войны с Россией и сохранить лицо под прикрытием концерта европейских держав. В последующих переговорах с Россией Андраши настойчиво добивался признания своего плана сохранения Союза трех императоров и отказывался от соглашения с Великобританией, надеясь, что Россия будет уважать дух договоров в Рейхштадте и Будапеште. Однако попытки русских дипломатов расколоть ряды, делая уступки Лондону и оставляя при этом Вену ни с чем, привели к краху Союз трех императоров [6. S. 253—254].

Уже 6 июня англичане объявили, что готовы передать международный мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрии. Одновременно Андраши получил право на оккупацию Новопазарского санджака. Как и оккупация Боснии, это была скорее контрмера, которая должна была воспрепятствовать установлению между Сербией и Черногорией чересполосицы, способной препятствовать дальнейшему проникновению Австро-Венгрии на Балканы. Андраши достиг успеха благодаря совместной англо-австрийской работе в «болгарском комитете», ограничив размеры нового государства на треть и сократив время русской оккупации княжества с двух лет до девяти месяцев. Месяц совместной работы с англичанами дал австрийцам ту уверенность в своей безопасности, которой они не смогли получить за все три года работы в рамках Союза трех императоров.

Андраши сумел извлечь выгоду и из изменения позиций самих балканских государств. Болгария была разочарована сокращением границ, которые были определены Сан-Стефанским договором, другие балканские государства, за исключением Черногории, были недовольны предложениями России в Сан-Стефано, Греция ожидала поддержки от Великобритании и Франции, Сербия и Румыния связывали свои надежды исключительно с Австро-Венгрией. Андраши одобрил сохранение формальной независимости Сербии, Румынии и Черногории, выступил за расширение Сербии в южном направлении, склонил Турцию, Сербию и Болгарию к завершению строительства сети железных дорог в направлении к австро-венгерской границе и обеспечил Австро-Венгрии сильные позиции в Дунайской комиссии. Благодаря всем этим мерам были заложены условия для усиления экономического и политического влияния Дуалистической монархии на Балканском полуострове в 1890-е годы. В области высокой политики Андраши надеялся, что новый англо-австрийский союз — даже

несмотря на то, что Бисмарк все еще упорно держался за союз с Санкт-Петербургом – с турецкой помощью будет достаточно сильным, чтобы вынудить Россию к твердому соблюдению актов Берлинского конгресса, и усилит ту относительно благоприятную позицию, которую сумела занять Австро-Венгрия по итогам разрешения Восточного кризиса [6. S. 255].

Впрочем, этим надеждам не суждено было осуществиться. Акты Берлинского конгресса, правда, несколько улучшили положение Турции, но основную проблему ее слабости не решили. Великобритания и Австро-Венгрия продолжили сотрудничество, чтобы уменьшить русское влияние в Болгарии, но уже скоро оказалось, что их интересы на Балканах не совпадают. Отчуждение между Австро-Венгрией и Турцией после Берлинского конгресса еще более усилилось, когда султан при фактической передаче власти в Боснии начал отказывать Андраши в любом содействии. Андраши оказался в затруднении, и когда был поставлен перед фактом необходимости втягивания кайзеровско-королевской армии в кровавую борьбу против местного восставшего населения, и когда вынужден был вести бесконечные дебаты внутри страны: славяне выступали за расширение границ империи на Балканском полуострове, сторонники аннексионистской политики при дворе требовали ограничиться присоединением Боснии. При этом либералы в обоих парламентах подсчитывали расходы военной авантюры, указывали на конституционные проблемы, которые возникнут в результате аннексии и даже угрожали отклонить договор с Берлином [6. S. 255–256].

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Берлинский конгресс 1878 г. вновь обострили австрийско-российские отношения и фактически разрушили Союз 1873 г. Отношения между Веной и Петербургом были явно испорчены. Ситуация в чем-то напоминала ту, что сложилась после Крымской войны, с одной, но существенной разницей: на этот раз Австро-Венгрии удалось избежать изоляции, поскольку бисмарковская Германия была по-прежнему заинтересована в сближении с ней. Союзу трех императоров был нанесен сокрушительный удар, зато коалиция Вены и Берлина становилась все более прочной. 7 октября 1879 г. этот факт получил документальное подтверждение: в тот день в Вене было подписано тайное австро-германское соглашение, положившее начало Тройственному союзу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Neue Freie Presse. 1871. 13 November.
2. *Wertheimer E.* Graf Julius Andrássy. Sein Leben und seine Zeit. Nach ungedruckten Quellen. Stuttgart, 1913. Bd. 2. Bis zur geheimen Konvention vom 15 Januar 1877.
3. АВПРИ. Ф. Канц. 1872 г. Д. 107.
4. *Lutz H.* Österreich-Ungarn und die Gründung des Deutschen Reiches. Europäische Entscheidung 1867–1871. Frankfurt am-Maine; Wien, 1979.
5. АВПРИ. Отчеты. 1872 г.
6. Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Im Auftrag der Kommission für die Geschichte der österreichische-ungarische Monarchie (1848–1918). Wien, 1989. Bd. VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen.
7. *Diyszegi J.* Einige Bemerkungen zum Frage der österreichisch-ungarische Ostpolitik // Österreich-Ungarn in der Weltpolitik. 1900–1918. Berlin, 1965.
8. *Сироткина Е.В.* Дьюла Андраши // Вопросы истории. 2017. № 7.

9. *Сироткина Е.В.* Австрийско-российские отношения в начале 1870-гг.: возрождение союза «Восточных монархий» // Российско-Австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Ставрополь, 2018. Вып. VI. К 150-летию образования Австро-Венгерской империи.
10. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978.
11. *Шнеерсон Л.М.* На перепутье европейской политики: австро-русско-германские отношения, 1871–1875 гг. Минск, 1984.
12. История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1999.
13. История дипломатии. М., 2009.
14. *KölnischeZeitung.* 1872. 15 September.
15. *Diószegi I.* L'Austriche-Hongri et les perspectives d'une guerre russo-turque á l'automne 1876 // Revue d'histoire modern et contemporaine 27 (1980).
16. *Andrássy G.* Fünf Jahre Andrassy'scher Staatskunst und die Orient-politik Oesterreich-Ungarns. München, 1876.
17. *Wertheimer E.* Graf Julius Andrássy. Sein Leben und seine Zeit. Nach ungedruckten Quellen. Stuttgart, 1913. Bd. 3. Letzte Lebensjahre. – Charakteristik Andrassys.
18. *Diószegi I.* Andrássy und Disraeli in Sommer der Jahres 1877 // Études historiques hongroises 1980.